

полняющим звеном художественной характеристики, ибо «верность действительности, жизненная правда — постоянно соблюдаются в произведениях Островского и стоят на первом плане, впереди всяких задач и задних мыслей» [14, с. 176]. У Щедрина, напротив, на передний план выступает психологическая сторона образа, что вытекало из ориентации сатирика на исследование внутреннего мира «среднего человека». Этот тип, совершенно отличный от молчалинского, нуждался в углубленном комментарии, ибо в комедии Глумов благодаря природному уму и изворотливости неизбежно оказывался наголову выше «дирижеров» и интересно было довести до определенного политического накала все скрытые «готовности» его существа, чтобы убедиться в том, что в горниле правительственной реакции сгорят и ум его, и остатки былого фрондерства и скепсиса. Установить цену на проявления ума и способностей «среднего человека» в период гонений — вот в чем заключалась творческая цель Щедрина, нашедшая адекватное решение в образе Глумова.

Третью группу литературных заимствований составляют *образы-трагедии*. Термин «трагедия» означает, что герои широко известных литературных произведений «перелицованы», вывернуты наизнанку в целях снижения того высокого духовного предназначения, о котором было заявлено в их первоначальном бытии. В эту группу входят переосмысленные Щедриным образы «лишних людей» из произведений Тургенева и Гончарова. Сюда же приписан сатириком и измененный Чацкий.

Герои этого ряда взаимодействуют со средой по типу реакции соединения. Такая реакция, в целях ускорения которой Щедрин применяет сатирический катализатор — разогретый до высокой температуры «шкурный интерес», протекает с выделением избыточной эстетической энергии — энергии исчезновения остатков человеческого в человеке, в результате чего возникает новый социальный организм — марионетка «стадного» классового инстинкта, призрак. Развиваясь по законам химической реакции этого типа, сатирическая реакция соединения двух разнородных «элементов» — героев литературы прошлого с новой средой, в отличие от химической, всегда необратима, ибо потери сублимированной энергии человечности в погоне за возможностью выжить не восполняются.

Конфликт между традицией восприятия первообразов и новыми представлениями об образах-трагедии глубок и непримирим. Степень комической конфликтности определяется изменением качества образов второго порядка по сравнению с их первичным бытием: из сферы правдоподобия они переносятся в сферу условности, гротеска, который и деформирует их до неузнаваемости. Такие, как в материнском произведении, они среде не подходят. Она их «обламывает» под себя, трагестигрует.

Прекрасный пример такого рода эволюции приводит С. А. Макашин, рассказывая о том, как в период службы в Твери сатирику пришлось столкнуться с А. Н. Вульфом, отдельные черты которого некогда были воспеты Пушкиным в образе Ленского. «Поэтический и вольнолюбивый юноша Вульф, — сообщает исследователь, — превратился в помещика — стяжателя и насильника ... Жизнь помещного дворянства давала немало примеров таких эволюций ... Впоследствии одним из характерных приемов его (Щедрина. — М. С.) сатирических обобщений стало использование популярных литературных образов, в том числе образов «лишних людей» 30—40-х годов в новой исторической ситуации ...» [15, с. 366].

В «Губернских очерках» Щедрин выступил разом против всех иллюзий, связанных с печоринством, обнажив скрытую под маской мечтательности личину представителей «дирижирующего класса» и выставив сословную принадлежность причиной невозможности для них решительного участия в «протестах жизни».

С этой же целью сатирик целиком пересматривает традицию, в которой «лишние люди» были изображены их авторами. Отметая в сторону индивидуальную психологию героев, он ставит их в такие условия, когда среда